

Op72.9

C47

A-415872

«СЛАВА ВАМ БРАТЯ, СЛАВЯН ПРОСВЕТИТЕЛИ»

Материалы
Межрегиональной научной конференции,
посвященной Дню славянской письменности
и культуры

Оренбург, 2026

ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК ФЕНОМЕН МУЗЫКАЛЬНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

Период формирования музыкального фольклора в Оренбуржье относится ко второй половине XVIII – началу XIX столетия. Для России и губернии это время было отмечено крупными событиями в исторической и политической областях. Образование обширного Оренбургского края, который простирался с севера на юг от Камы до Каспия и с запада на восток от Волги до Сибири, включал нынешние территории Оренбургской, Челябинской областей, Башкирии, Татарии и Казахстана, военные экспедиции в Среднюю Азию, крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачева во многом определили пути становления и развития народного творчества. Важную роль в формировании местного фольклора сыграло переселение в Оренбуржье из многих регионов страны людей разных национальностей и вероисповедания. В этой связи специфика и разнообразность местного фольклора напрямую связаны с его этническим устройством и многонациональным укладом. К середине XIX века в крае были представлены как основные группы народностей: славянская, тюркская и финно-угорская.

Значительная часть местного музыкального фольклора представлена русской казачьей традицией, получившей свое воплощение в вокальных и инструментальных формах. Появившись в крае еще в первой половине XVIII века, казачья музыка постепенно заняла одну из ведущих позиций в культурном пространстве региона. Многообразие её форм и видов оказало влияние на формирование различных направлений художественной деятельности, в том числе профессиональное искусство и образование. Формируясь на базе русской народной песни, музыка оренбургского казачества, тем не менее, имела ряд существенных отличий. Её специфичность, прежде всего, проявилась в содержа-

нии песен, отразивших жизнь и деятельность общины в контексте многонационального этнокультурного сосуществования. Присутствие в структуре местного русского фольклора азиатского компонента явилось одним из основных факторов, отличавших оренбургскую песню от её аналогов в других регионах страны. Казаки на протяжении многих лет имели тесные связи с народами тюрской группы. В войске было немало башкир, татар, казахов, общение с которыми обусловило проникновение в казачью среду их поэтической культуры. Подобное явление представляет несомненный интерес для исследования восточно-русских межэтнических контактов.

Основу оренбургского фольклора составляют песни. Независимо от национальной принадлежности они многожанровы. Среди них встречаются эпические, исторические, бытовые, трудовые, хороводные, вечерочные, плясовые, протяжные. Специфичностью и своеобразием отличаются инструментальные наигрыши. Иногда национальные черты в них проявляются даже ярче и колоритнее, чем в песне. Наряду с плясовыми мелодиями многие наигрыши носят изобразительный характер. Некоторые из них представляют собой развернутые инструментальные пьесы, имеющие сюжет и программу. Чаще всего подобные образцы встречается в казахском и башкирском творчестве.

Многонациональный уклад Оренбургского фольклора привлекал внимание многих исследователей. За два с половиной столетия он явился объектом пристального внимания ряда ученых, краеведов, этнографов. Записывая и изучая его виды и формы, они внесли серьезный вклад в развитие науки, образования, культуры, как Оренбуржья, так и России в целом. Собрав уникальную коллекцию песен, исследователи заложили основу дальнейшего развития местной фольклористики. Записанные ими песни и наигрыши стали важным компонентом становления музыкальной культуры региона. Ряд песен послужили исходным материалом для создания различных произведений (литературных и музыкальных). Некоторые из них вошли в концертные программы профессиональных и самодеятельных певцов, худо-

жественных коллективов. Значительная часть записанного фольклора издана в отдельных выпусках, а также в книгах, журналах и сборниках став, таким образом, достоянием, как профессионалов музыкантов, так и любителей. В XIX столетии – Оренбургский фольклор заинтересовал многих выдающихся деятелей: писателей и композиторов (А. Пушкин, В. Даль, А. Толстой, А. Алябьев), а также региональных исследователей (П. Кудряшев, Р. Игнатьев, А. Кузнецов, А. Эйхгорн, С. Рыбаков, Владимир и Александра Железновы). Они впервые осуществили текстовые и музыкальные записи фольклора Оренбуржья. Его отзвуки находим в серии литературных произведений. Так В. Даль в рассказе «Обмирание» раскрыл не только содержание, но и своеобразную манеру исполнения башкирской песни. «Певец будто мехом потянул в себя дыхание, позадержал его и залился плачевным, высоким голосом словно издали по ветру донесся звучный стон, под конец замиравший; затем последовал однообразный напев, на слова местного народного сочинения: «Сакмар быстра, бреуна тулста, икмяк да йок, капрал да сок». Дословно: «Сакмара быстра, брёвна толсты, хлеба нет, капрал бьет». Подытожив услышанное, В. Даль продолжал: "Не развеселила меня эта песня, сложенная как все народные песни, никем, хотя и исполняемая всеми» (9, 139).

Крупным исследователем восточного фольклора Оренбуржья был С. Рыбаков. По заданию Императорского русского географического общества он совершил ряд экспедиций в Оренбургский край, результатом которых явились научные труды «Русские влияния в музыкальном творчестве нагайбаков, крещеных татар в Оренбургской губернии», «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта». В них С. Рыбаков приходит к выводу о специфичности местного фольклора: «При проживании на одной территории столь разнообразных народностей, возникает особая категория этнографического материала, являющаяся результатом взаимодействия этих народностей. Здесь можно наблюдать, как русская музыкальная стихия проникает в сферу других народов в форме обычаев, песен и т.п. и своеобразно изменяется. Либо наоборот, как инородческие нравы, обыкновения

и песни, до известной степени, внедряются в среду русского населения» (6, 1).

В XX веке фольклор Оренбуржья исследуют профессиональные музыканты С. Сайдашев, П. Малый, Л. Райкова, В. Позднеев, О. Рукавицына, в том числе известный отечественный фольклорист А. Затаевич. Последний обратил внимание на киргизскую музыку. Собрав внушительный свод музыкально-этнографического материала, он сумел его обработать и систематизировать не только по жанрам, но и по регионам тогдашнего Оренбуржья. В результате появился сборник «1000 песен киргизского народа». Грандиозность и значимость труда, выполненного за короткий срок, свидетельствовали, что оренбургский период творчества был в его жизни наиболее насыщенным и плодотворным. В сборник А. Затаевич включил 980 песен и 20 кюев, записанных от проживавших в Оренбурге народных комиссаров С. Сейфуллина («Тока», «Шаш-сыпар»), А. Джангильдина («Кара-Голь», «Кзыл-Телим»), представителей местной интеллигенции Г. Медетова («Аксак-Кулан», «Жоктау»), С. Муканова («Жылау», «Караторгай») и др. Работа А. Затаевича вызывала интерес в среде музыкальной, научной и литературной общественности. Б. Асафьев, М. Горький, Р. Роллан отмечали масштабность труда, который осуществил учёный. Записями А. Затаевича пользовался и С. Прокофьев, делая на основе двух – трех фольклорных напевов концертные обработки для голоса и фортепиано (3, 190).

Деятельность исследователей народного творчества Оренбуржья создала предпосылки для изучения специфических особенностей русской ветви местного фольклора, историческая составляющая предстает здесь как ведущая. По сути, народные песни складываются в звуковую летопись истории края. Их большая часть явилась откликом на конкретные события, как внутри губернии, так и за ее пределами: восстание Е. Пугачева («Нас пугали Пугачем»), война с Наполеоном («Со двенадцатого года»), военные походы В. Перовского в Хиву («Славно, братцы, пришло время»), революция 1917 года («Ты служитель, Дутов, верный»). Исторические песни оказались и особенно многожанровыми. Это

строевые, разбойничьи, повстанческие, походные и боевые. Многие их образцы тяготели к лирико-эпической традиции.

К историческому жанру следует отнести ряд песен о переселении мордвы в Оренбургский край, называемые «казак мастор» (казачья земля) или «яик сторона» (яицкая сторона). В большинстве своем они посвящены новым местам обитания – деревням и селам, ставшим для них второй Родиной.

Существенную роль в формировании исторического фольклора сыграла повстанческая песня. Она отразила свободолюбивые взгляды и настроения оренбургского и уральского казачества. Большое всего подобных песен было сложено в период восстания под предводительством Емельяна Пугачева.

Одним из первых историографов Пугачевского восстания и собирателем его фольклора, стал, как известно, А. Пушкин. В 1833 году он посетил Оренбургский край с целью сбора материалов для написания «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева». Встретившись с очевидцами восстания в деревне Бёрды (казачкой И. Бунтовой) и Уральске (казак Д. Пьяновым), он записал от них ряд пугачевских песен, впоследствии послуживших важным конструктивным материалом в создании упомянутых выше произведений. Наиболее продуктивной оказалась встреча поэта с И. Бунтовой. В одном из писем к жене Пушкин писал: «В деревне Бёрды, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я *Une bonne fortune* (удачу) – нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год (как известно для Пушкина и его жены Натальи Николаевны 1830 год был периодом сватовства). Я от нее не отставал...» (5, 350). Бунтова – свидетельница трагических событий в крепости Озерной (позже Нижнеозерной), спела Пушкину несколько песен о Пугачеве, вызвав тем самым живой интерес у поэта. По результатам поездки в Оренбургский край, Пушкин, а позже исследователи его творчества, опубликовали три песни, две из которых приведены в «Истории Пугачева»: причитание старой казачки и отрывок песни о капитане Сурине.

В русском народном музыкальном творчестве пугачевский

фольклор, как и само восстание, получили неоднозначную трактовку. Ярыми противниками Пугачева выступали дворяне, торговцы и солдаты правительственных войск. Даже в Уральском казачьем войске не все его поддерживали, а некоторые из казаков выступали против. Раскол в обществе нашел свое отражение в музыкальном фольклоре. Сохранились песни, в которых дана прямо противоположная версия событий, особенно касаемая образа самого Пугачева. С одной стороны он представлен, как «атаман», «родной батюшка», «добрый молодец», а с другой «ворсобака». Отрицательными характеристиками самозванец наделяется в песнях «Как во месяце было марте», «Того месяца сентября», «Уж при славной было при царице». Подчеркнем существенное: в большей части песен Пугачев все же наделен положительными чертами, поскольку его поддерживала основная масса простого населения. «Весь черный народ, - писал Пушкин, - был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи» (4, 254).

Песни пугачевской вольницы по своему содержанию и характеру разделяются на ранние и поздние: от победоносных решительных («Нас пугали Пугачём»), философски-созерцательных («Ой да ты, батюшка, вот и, Оренбург-город»), до драматических и трагедийных («Емельян ты наш, родной батюшка»). Наряду с произведениями, созданными в начале восстания, встречаются песни, отразившие известные события в дистанции времени. Рядом с монументально-эпическими полотнами, поражающими своей масштабностью и величием, соседствуют камерные лирические сюжеты. Песни раннего этапа восстания заметно отличаются от их последующих версий. Первым присуща вера в победу, целеустремленность, решительность. Например, песня «Ой да ты, батюшка, вот и Оренбург-город!», получившая всеобщую любовь и признание. Её два полярно-противоположных варианта (позитивный и негативный) с разных позиций раскрывают образ Пугачева – как заступника, так и врага простого народа. Отрицательный вариант впервые был опубликован в сборниках П. Киреевского и А. Мякутина. В другом варианте раскрывается

сочувственное отношение к самозванцу. Так герой песни молодой казак (или солдат), состоящий на царской службе, принимает решение не убивать Пугачева, который "бьется за нужду народную". Первые музыкальные записи песни «Ой, да ты батюшка, вот и Оренбург – город!» были осуществлены лишь в первой половине XX столетия (П. Малый, А. Листопадов, Л. Христиансен). Вариант А. Листопадова наиболее интересен, поскольку он представлен в многоголосной фактуре.

Пугачевским песням позднего периода, характерны иные образы и настроения: печали, тоски, безысходности. Созданные после разгрома восстания, они фактически явились драматической кульминацией пугачевского фольклора. Ярчайшим примером подобного творчества может служить "Плач о Пугачеве" бытовавший как в казачьей, так и в заводской среде. По своему строению он близок традиционным причитаниям, распространенным в русском быту с давних времен. В его музыкальном и литературном тексте активно используются специфические для данного жанра элементы: однообразный напев, глиссандирование, огласовка (крас[ы]ное солнышко, ах[ы] заступиться), словобрывы (сироты горемычны...).

Создателями пугачёвского фольклора являлись, как правило, непосредственные участники и свидетели событий. Так, в материалах следствия восстания отмечалось, что «яицкие казаки певали песню, нарочно или в честь самозванца составленную», а будущая жена Пугачева уральская казачка Устинья Кузнецова сложила о нем песню и пела её в его присутствии. «Песня, - по воспоминаниям очевидцев, - была хорошая, жалобная, все насчет Пугачева, как он страдал за правду и как Бог за доброту его незримо навел на добрых людей, которые рады животы свои за него положить» (1, 184).

Более того, по мнению Оренбургского краеведа Р. Игнатьева, Пугачев, принимавший участие в застольях и кутежах, нередко сам выступал в роли создателя и исполнителя различных песен. В одной из своих статей, посвященной восстанию, исследователь отмечает: «Каждый день устраивались пиры, на которых са-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хавторин Б. П.</i>	
Полинациональный фольклор как феномен музыкального Оренбуржья	3
 <i>Якимов П. А.</i>	
Лексема Бог и ее дериваты в поэзии А. А. Ахматовой	18
 <i>Попова В. И., Погонец А. А.</i>	
Лингвоисторические основы создания учебников по русскому языку	28
 <i>Бекджаев Т. Б.</i>	
Ономастика в составе фразеологизмов туркменского языка	33
 <i>Дерябина С. Р.</i>	
Польский сарматизм. Славяне, которые не хотели быть славянами	38
 <i>Трофименко К. С.</i>	
Духовный подвиг солунских братьев: к 1160-летию славянской письменности	44
 <i>Семенов В. Г.</i>	
Роль оренбургского казачьего училища в формировании офицерского корпуса в годы Русско-Японской и Первой мировой войн	49
 <i>Новожилова Л. А.</i>	
Поиск уфимских казаков - первопоселенцев Оренбурга	59
 <i>Вернигоров А. М.</i>	
Отважная казачка Варвара Зайцева	69
 <i>Четвериков С. А.</i>	
Русское население Оренбургской губернии в дореволюционных изданиях из фонда сектора редких книг Оренбургской областной библиотеки им. Н. К. Крупской	74
 <i>Лутцев М. В.</i>	
Россия - Украина: история - современность - будущее... ..	84

Круглый стол
«БЕЛОРУССИЯ И ОРЕНБУРЖЬЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
(К 30-ЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ ДНЯ ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ
РОССИИ И БЕЛОРУССИИ)

<i>Дерябина С. Р.</i> О некоторых аспектах этнической истории белорусского народа	120
<i>Дегтярева Н. А.</i> Дети войны на Южном Урале: эвакуация детских домов Белорусской ССР в Чкаловскую область (1941–1945 гг.)	127
<i>Галиева Ф. Г.</i> Белорусы Южного Урала: своеобразие этнической истории и культуры	139
<i>Четвериков С. А.</i> Этнографические сведения о белорусах в дореволюционных изданиях из фонда сектора редких книг ООУНБ им. Н. К. Крупской	146
<i>Моргунов К. А.</i> Белорусы в Оренбургском крае	152
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	174

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.